

А. А. Григорьев

Гоголь и его последняя книга

Русская эстетика и критика 40--50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. -- М.: Искусство, 1982.-- (История эстетики в памятниках и документах).

[OCR Бычков М. Н.](#)

И понятною тоскою уже загорелась земля; черствее и черствее становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!

(*"Выбранные места из переписки с друзьями"* Н. Гоголя, стр. 284)¹

1

Последняя книга Гоголя составляет чуть ли не самый важный вопрос нашей литературы в настоящую минуту, не только сама по себе, но и по отношению к партиям, в которых этот вопрос нашел себе различные ответы². Книга эта -- "Выбранные места из переписки с друзьями" -- сделалась уже не простым литературным явлением, но делом, процессом литературным. Еще за несколько времени до появления своего в свете она возбуждала толки, еще предисловие ко второму изданию "Мертвых душ" встречено было неприязненно³, хотя, собственно говоря, в этом предисловии нет ничего такого, что не было прежде сказано поэтом, на что по крайней мере не было сделано им намек. Партия, встретившая неприязненно предисловие к "Мертвым душам", может быть, не заметила, что она противоречит самой себе и более еще противоречит современному значению искусства, которое, сошло с своих прежних ходуль, сошло с туманного нимба, существует для всех и каждого, дает в себе часть всем и каждому. То время, когда поэт мог сказать себе: "Ты царь -- живи один!"⁴, уже прошло -- не знаем, ко вреду ли искусства, но, во всяком случае, не ко вреду общественного развития. Повторяем опять, что же тут мудреного, что поэт, который хочет создать народную эпопею, прислушивается к голосу народа?.. Неприязненность встречи предисловия ко второму изданию "Мертвых душ" объясняется только последнею книгою Гоголя, о которой давно уже ходили темные слухи в обществе⁵. Партия, складывавшая для Гоголя пьедестал из бранных остатков всей прошедшей литературы, до тех пор только поклонялась своему кумиру, пока не видела -- или, лучше сказать, могла еще не видеть -- слишком яркого различия его образа мышления от ее образа мышления, ибо, в настоящую минуту, говоря словами этой странной книги Гоголя: *"уже умные люди начинают говорить, хоть противу собственного убеждения, из-за того только, чтобы не уступить противной партии, из-за того, что гордость не позволяет сознаться пред всеми в ошибке"*, ибо в настоящую минуту -- и этим мы в особенности обязаны всепримиряющему понятию гегелевского развития -- исчезла во многом и во многих вера в то, что

Das Wahre war schon langst gefunden,
 Hat elde Geisterschaft verbunden
 Das alte Wahre fass es an {*}⁶.
 {* Издревле правда нам открылась,
 В сердцах высоких утвердилась,
 Старинной правды не забудь (нем.). }

И умственное отчаяние заставило уцепиться, как за доску спасения, за истину личную или вообще за личность. Личность -- вот последнее слово германского мышления, и до тех пор, пока в Гоголе видели мы только величайшего аналитика личности, отыскивающего в нас и в себе Хлестаковых, Чичиковых, Акакиев Акакиевичей, пока он не произнес суд над этой личностью, -- мы все, более или менее, видели в нем, так сказать, оправдателя и восстановителя; мы предобродушно верили оправданию Чичикова и не понимали, какие иные образы поднимутся "из облеченной в святой ужас и блистание главы"⁷; мы бессознательно, на веру восхищались лирическим пафосом поэмы.